

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ИНСТИТУТ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

**ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ
В СТРАНАХ АЗИИ И АФРИКИ**
Взаимодействие языков и культур

Коллективная монография

УНИВЕРСИТЕТ
книжный дом

Москва
2026

УДК 811.1/2
ББК 81.2
И68

Публикуется по решению Ученого Совета ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова.

Рецензенты:

Пономаренко Евгения Витальевна – доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры английского языка №4 МГИМО(У) МИД РФ;

Иванов Владимир Борисович – доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой иранской филологии Института стран Азии и Африки
МГУ имени М.В. Ломоносова;

Шагбанова Хабиба Садыровна – доктор филологических наук, профессор,
зам. директора ИРЯ РУДН имени Патриса Лумумбы.

Авторский коллектив:

Акимушкина Е.О., Амири М.Т., Аникина Я.О., Ардашникова А.Н., Ашрапов Б.П., Байазиди Н.,
Барабашкин К.Е., Беседина А.С., Быкова О.А., Белавин С.А., Вахрушева В.М., Вишнякова Е.А.,
Вишнякова О.Д., Воронцова М.В., Гиёсова С.Г., Зиза М.В., Ибрагимова Р.А., Иванова О.А.,
Ильина Н.Ю., Келехсаева А.А., Козаченко В.Э., Кондратьева А.С., Кононова Т.Л., Короновская И.В.,
Кудуева М.А., Латышева С.И., Макаева С.М., Маилова С.А., Мерелова А.В., Миньяр-Белоручева А.П.,
Нурутдинова А.Р., Павловская О.А., Полунина Т.С., Прохорова О.Н., Рейснер М.Л., Сабитова С.Р.,
Сапрыкина О.А., Сафронова В.Б., Симаненкова В.Н., Сукнов Н.А., Турсунова Ш.А., Хамидова М.Н.,
Чекулай И. В., Шихзаманова Л.Э., Шихзаманова Т.Н.

Ответственные редакторы:

Воронцова М.В., Иванова О.А., Кононова Т.Л., Наливайко О.А., Павловская О.А.,
Сафронова В.Б., Халютина М.Е.

Иностранные языки в странах Азии и Африки: Взаимодействие языков и культур: коллективная монография / Е.О. Акимушкина, М.Т. Амири, Я.О. Аникина [и др.]; Под ред. М.В. Воронцовой, О.А. Ивановой, Т.Л. Кононовой [и др.]. – М.: «КДУ», 2026. – 365 с. – Электронное издание сетевого распространения. – URL: <https://bookonlime.ru/node/85224> – doi: 10.31453/kdu.ru.978-5-00247-236-9-2026-365.

ISBN 978-5-00247-236-9

Монография посвящена проблеме иностранных (неродных) языков, представленных в странах Азии и Африки. Проблематика взаимодействия языков и культур приобрела особое значение в 21 веке, когда страны Азии и Африки успешно вошли в глобальную политическую и экономическую повестку. Во многих из них английский язык является государственным или вторым государственным языком. Переплетение национальных языков и культур с английским и другими европейскими языками, их взаимное влияние является важным фактором современной языковой политики. Взаимопроникновению языков и культур как на лингвистическом, так и на культурном уровне посвящены исследования, представленные в данной монографии.

Монография представляет интерес для ученых-филологов, студентов и аспирантов филологических специальностей, а также политологов и исследователей современной истории стран Азии и Африки.

Оглавление

Введение (<i>Павловская О. А.</i>)	5
Глава 1. «Чужие» языки в странах Азии и Африки и их взаимодействие с национальными языками и традициями (<i>Рейснер М. Л., Воронцова М. В.</i>).....	7
1.1 «Чужие» языки в мировом литературном развитии: исторический аспект.....	8
1.2 Глобальный английский и национальные варианты: лингвистический и политический аспекты	17
Глава 2. Лингвистические аспекты взаимодействия языков (<i>Сапрыкина О. А., Барабошкин К. Е., Гиёсова С. Г., Кондратьева А. С., Хамидова М. Н., Ибрагимова Р. А., Ашрапов Б. П., Макаева С. М., Аникина Я. О., Кононова Т. Л.</i>)	24
2.1 Взаимовлияние западных и национальных языков в странах Азии и Африки.....	27
2.2 Вопросы контрастивной лингвистики: грамматический и морфолого-семантический анализ	78
Глава 3. Социолингвистические и политические аспекты взаимодействия языков (<i>Павловская О.А., Миньяр-Белоручева А. П., Зиза М. В., Латышева С. И., Мамилова С. А., Белавин С. А., Сукнов Н. А.</i>).....	112
3.1. Эволюция статуса и функций английского языка в национальных контекстах: Филиппины, Индия, Япония.....	114
3.2. Роль и статус европейских и местных языков в постколониальных и турбулентных социумах: Марокко, ЮАР, Афганистан.	139
Глава 4. Взаимодействие культур и традиций в странах Азии и Африки (<i>Нурутдинова А. Р., Иванова О. А., Турсунова Ш. А., Шихзаманова Т. Н., Козаченко В. Э., Сабитова С. Р.</i>)	170

4.1 Сравнительное исследование культурных концептов в странах Азии и Африки	172
4.2 Изучение иностранных языков и культур в Турции	192
4.3 Культурные и языковые контакты в отдельных регионах Африки	207
Глава 5. Взаимодействие национальных, европейских и мировых традиций в литературе стран Азии и Африки XX-XXI вв. (Акимушкина Е. О., Сафронова В. Б., Ардашникова А. Н., Быкова О. А., Ильина Н. Ю., Келехсаева А. А., Беседина А. С., Байазиди Н., Мерелова А. В., Симаненкова В. Н.).....	
5.1. Литература Магриба: на перекрестке культур	237
5.2. Влияние англоязычной индийской литературы фэнтези на произведения, созданные на языках хинди и урду.....	259
5.3. Влияние европейских традиций в литературах Ирана и Иранского Курдистана.....	267
5.4. Африканская идентичность в европейской и неевропейской литературах.....	285
Глава 6. Особенности преподавания языков и культур в контексте Азии и Африки (Вишнякова О. Д., Прохорова О. Н., Чекулай И. В., Вишнякова Е. А., Короновская И. В., Амири М. Т., Полунина Т. С., Шихзаманова Л. Э., Кудуева М. А., Вахрушева В. М.).....	
6.1. Технологический инструментарий в обучении языкам.....	313
6.2. От культурного фона к концептуальному ядру: построение содержания языкового курса для востоковедов	327
6.3. Адаптация обучающихся: лингвокультурный аспект	337
6.4. Региональный кейс: системные вызовы на практике	352

ГЛАВА 4. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР И ТРАДИЦИЙ В СТРАНАХ АЗИИ И АФРИКИ

*(Нурутдинова А. Р., Иванова О. А., Турсунова Ш. А., Шихзаманова Т. Н.,
Козаченко В. Э., Сабитова С. Р.)*

к.пед.н., доц. Нурутдинова А.Р., "Казанский (Приволжский) федеральный университет"

к.филол.н., доц. Иванова О.А., ИСАА МГУ имени Ломоносова

ст.преп.Турсунова Ш.А., "Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова", Таджикистан,

ст.преп. Шихзаманова Т.Н., ИСАА МГУ имени Ломоносова

Козаченко В.Э., ИСАА МГУ имени Ломоносова

стажер-исследователь Сабитова С.Р., НИУ ВШЭ

В данной главе представлены работы исследователей, которых объединяет научный интерес к проблемам межкультурного взаимодействия, изучения национально-культурных особенностей.

На материале русских, английских и японских пословиц Нурутдинова А. Р. проводит сопоставительный анализ репрезентантов соматического и сенсорного опыта и демонстрирует системные расхождения в картинах мира исследуемых культур. Работа Нурутдиновой А.Р. выполнена за счет гранта, предоставленного Академией наук Республики Татарстан образовательным организациям высшего образования, научным и иным организациям на поддержку планов развития кадрового потенциала в части стимулирования их научных и научно-педагогических работников к защите докторских диссертаций и выполнению научно-исследовательских работ (Соглашение от 22.12.2025 № 12/2025-ПД-КФУ).

Рассмотрение сходных лингвокультурных феноменов в различных языках осуществляется на основе обширного языкового материала и соответствующих методов исследования. Применяя методы контрастивной лингвистики и анализируя контекстное функционирование лексических

единиц, Турсунова Ш.А. исследует концепт «уважение», представленный языковыми реализациями в английском и таджикском языках.

В исследовании Ивановой О.А. определены центры распространения немецкого языка и культуры в Турции. Автор указывает на длительные исторические контакты между культурами и двустороннюю миграцию, связавшую судьбы обоих народов. Центром наибольших возможностей обучения немецкому языку и на немецком языке, знакомства с немецкой культурой является Стамбул, ставший родиной немецких эмигрантов в разные исторические периоды. В статье рассматривается деятельность немецкого культурного центра, немецких фондов по продвижению немецкого языка и культуры, анализируются газеты, выпускаемые на немецком языке.

Исследование Козаченко В.Э. направлено на рассмотрение английского языка в языковом поле современной Турции. Опираясь на работы отечественных и зарубежных исследователей, автор констатирует значительное проникновение англицизмов в турецкий язык, моду на использование английских слов, влияние английского на формирование новой идентичности молодого поколения Турции и подводит к выводу о роли английского как неотъемлемого элемента современного турецкого общества.

Шихзаманова Т.Н. рассматривает в хронологическом аспекте проникновение в языковой ландшафт Египта сначала французского, а затем английского языков, уделяя особое внимание поворотным пунктам в истории столкновений населения Египта с этими языками и культурами. Анализируя статус обоих языков на современном этапе, Шихзаманова Т.Н. подчеркивает доминирующий характер использования английского языка по сравнению с французским и его возрастающее влияние.

На фоне взаимодействия французского языка с автохтонными языками Кот-д'Ивуара формируется особое коммуникативное пространство, порождающее гибридные языковые формы. Центральное место среди них занимает нуши, исследованием становления и развития которого занимается Сабитова С.Р. Данная гибридная форма, появившаяся как маргинальное арго

в урбанистическом пространстве крупного мегаполиса Абиджана, становится средством межэтнического общения и инструментом конструирования современной ивуарийской идентичности. Исследователь отмечает проникновение языка в сферы СМИ, рекламы, политики и массовой культуры.

4.1 СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КУЛЬТУРНЫХ КОНЦЕПТОВ В СТРАНАХ АЗИИ И АФРИКИ

4.1a Соматический и сенсорный коды в пословичной картине мира: инвариантность и вариативность (сравнение русского, английского и японского языков)

В рамках современной лингвистики, определяемой антропоцентрическим поворотом, центральное место занимает изучение способов репрезентации человеческого опыта в языке. В данном контексте особый исследовательский интерес представляют соматизмы и сенсорная лексика: будучи универсальными концептуальными областями, они демонстрируют значительную национально-культурную вариативность, выступая тем самым маркерами уникальных лингвокультурных моделей. Данный феномен представляет собой целостный, хотя и имплицитно выраженный, сегмент общей языковой картины мира, характеризующийся высокой степенью образности, узуальной устойчивости и культурной маркированности. Анализ пословичной картины мира релевантен для реконструкции ядерных и периферийных концептов культуры и последующей реконструкции механизмов их языковой объективации.

В пространстве паремии соматический и сенсорный коды вступают во взаимодействие, порождая комплексные, семантически ёмкие образы. Тело в пословицах не только действует, но и чувствует, становясь проводником сенсорного опыта. Подобный синтез представляет собой мощный инструмент для вербализации культурно значимых концептов. Например, концепт «глупость» может репрезентироваться через соматизм «голова», наделённый

Цель – разграничить инвариантные смыслы (архетипические концепты) и национально-специфические варианты их выражения, обусловленные этнопсихологическими, историческими и религиозно-философскими факторами [Norrick, N. R., 1985, p.56; Vezhbitskaya, A., 1997, p.317; Огуро, Т., 1995, с.270]. В качестве рабочей гипотезы исследования выдвигается положение о том, что вариативность соматических и сенсорных компонентов в паремиологическом фонде различных языков не является случайной, а носит системный и культурно-детерминированный характер. Согласно данной гипотезе, универсальные антропологические концепты, связанные с телесностью и сенсорным восприятием, получают в каждой лингвокультуре специфическую репрезентацию, проявляющуюся в особенностях частотности, сочетаемости и ценностной нагрузки соответствующих лексем [Щерба, Л. В., 1974, с.15]. Указанные различия обусловлены глубинными структурами национального мировосприятия, системой культурных установок и особенностями философско-религиозных традиций [Щерба, Л. В., 1974, с.28-30]. В рамках данного подхода ключевой особенностью японской паремиологии – ее выраженная интровертивная направленность – акцент на внутренних психофизиологических состояниях и невербализуемом опыте [Киндайти, К., 1944, с.45], что находит отражение в доминировании концептов «хара» (живот как центр жизненной силы) и «кокоро» (сердце/душа как единство чувства и разума) [Miyaji, Y., 2003]. Эта черта противостоит экстравертивной направленности европейской паремиологической традиции, где доминирует концептуализация внешнего, социально значимого действия и вербализуемых эмоций [Вежбицкая, А., 1996, с.112-113].

Теоретическую основу работы составили: фундаментальные положения лингвокультурологии и концептологии, разработанные в трудах А. Вежбицкой [Вежбицкая, А., 1996,; Vezhbitskaya, 1997], В.А. Масловой [Маслова, В. А., 2001] и В.И. Карасика [Карасик, В. И. 2002], которые позволяют интерпретировать язык как транслятор культурных смыслов. Исследования соматического и сенсорного кодов культуры, в частности,

теория фразеологического значения В.Н. Телия [Телия, В. Н., 1996] и работы в области семантики и лексикографии А.Д. Апресяна [Апресян, Ю. Д., 1995], заложившие основы анализа телесной метафоры. Труды по общей и сопоставительной паремиологии, где ключевыми для нас являются структурно-типологический подход Г.Л. Пермякова [Пермяков, Г. Л., 1988] и историко-сопоставительная методика С.Г. Шулежковой [Шулежкова, С. Г., 2012]. Работы, посвященные лингвокультурной специфике Японии, помимо исследований российских японоведов В.М. Алпатов [Алпатов, В. М., 2008] и А.Н. Мещерякова [Мещеряков А. Н., 2007], данное исследование опирается на труды ведущих японских лингвистов, таких как: Киндайти Кёсукэ (金田一京助) [25], чьи работы по японской филологии и лексикологии заложили основу для понимания национальной специфики языка; Ооно Сусуму (大野進) [Ооно, С., 1980], разрабатывавшего концепцию японского языка как отражения уникального национального мировосприятия; Огуро Тэцудзи (小黒鉄司) [Огуро, Т., 1995], чьи исследования японских паремий и их культурных коннотаций являются эталонными в данной области.

Методологическим основанием служит теория инварианта и варианта. Основным инструментом выступает контрастивный анализ, применяемый на концептуальном и семантико-образном уровнях. Данный подход позволяет не только выявить межъязыковые универсалии, но и реконструировать уникальные, культурно-детерминированные лакунарные элементы и безэквивалентные единицы, составляющие основу национальной языковой картины мира [Карасик, В. И. 2002, с.75]. Вариативность признается имманентным свойством языковой системы [Поладова, С. Э., 2010, с.41], которая функционирует на базе инварианта – абстрактной сущности, сохраняющей тождество себе в ряду конкретных модификаций [Апресян, Ю. Д. 1995, с.142]. В паремиологическом аспекте в качестве инварианта выступает некий архетипический смысл (например, 'стойкость', 'мудрость', 'опасность'), тогда как в роли вариантов, репрезентирующих этот смысл, –

конкретные соматические и сенсорные компоненты, отобранные и закрепленные в каждой из лингвокультур [Апресян, Ю. Д., 1995, с.40].

Проведенный теоретический анализ позволяет констатировать, что пословицная картина мира репрезентирует собой релевантный объект лингвокультурологического исследования при рассмотрении ее сквозь призму взаимодействия соматического и сенсорного кодов. Универсальность антропологического основания, выраженного в телесном и чувственном опыте человека, создает прочный базис для межкультурной компаративистики, тогда как специфика языковой объективации этого опыта в паремиологическом фонде каждого этноса раскрывает идиоэтнические особенности национального сознания [Карасик, В. И. 2002, с.412]. Для проверки гипотезы был создан корпус из 1050 паремий (по 350 для каждого языка), отобранных методом сплошной выборки из словарей. Критерием отбора стало наличие в пословице хотя бы одного соматизма или сенсорного маркера. Анализ проводился в три этапа:

1. Идентификация: выявление соматизмов (лексем, обозначающих части тела) и сенсорных маркеров (лексем, связанных с пятью чувствами) по заранее составленным тезаурусам.
2. Учет: пословица засчитывалась в соответствующую категорию при наличии в ней хотя бы одного искомого компонента; одна единица могла учитываться в обеих категориях.
3. Верификация: для проверки надежности 10% корпуса был независимо проанализирован вторым кодировщиком; высокий коэффициент согласия Кохена ($\kappa > 0.89$) подтвердил объективность методики.

Результаты количественного распределения проанализированных единиц представлены в Таблице 1.

Язык	Общее количество пословиц	Пословицы, содержащие соматизмы	Пословицы, содержащие сенсорную лексику
Русский	350	211 (60.3%)	183 (52.3%)
Английский	350	198 (56.6%)	175 (50.0%)
Японский	350	228 (65.1%)	194 (55.4%)

Таблица 1. Репрезентация соматического и сенсорного компонентов в корпусе исследования

Как демонстрируют данные, японский паремиологический фонд обладает наибольшей «телесной» и «чувственной» насыщенностью, что косвенно свидетельствует о его повышенной ориентации на воплощенный опыт как на источник метафорических смыслов. В русском языке ядро соматической паремиологии образуют лексемы «сердце» (центр эмоций и нравственности: «Сердце вестью не обманешь»), «душа» (вместилище духовного и эмоционального начала: «Душа в пятки ушла») и «рука» (символ деятельности и власти: «Рука руку моет» [Даль, В. И., 1999]). В английском языке доминирует соматизм «hand» (активность, агентность: “Many hands make light work”), а также “head” и “brain” как репрезентанты рациональности и интеллекта (“Two heads are better than one” [Speake, J., 2015]).

Наиболее наглядно национально-культурная специфика концептуализации внутреннего мира проявляется в синтезе соматического и сенсорного кодов, где телесный опыт наделяется сенсорными характеристиками, и наоборот. Данный феномен наблюдается в паремиологическом фонде всех рассматриваемых языков, однако его семантические доминанты культурно обусловлены. В русской пословице «Глаза – зеркало души» [Даль, В. И., 1999] соматизм «глаза» функционирует в рамках визуального кода («зеркало»), создавая концепт, согласно которому внешнее является прямым отражением (выражением) внутреннего. Английская идиома “To have a gut feeling” [Speake, J., 2015] (дословно «иметь ощущение в кишках») объединяет висцеральный соматизм «gut» (кишки) с

сенсорным ощущением, репрезентируя интуицию как физиологически воплощенный, не требующий вербализации процесс [Norrick, N. R., 1985].

Национальное своеобразие японской паремиологии проявляется в высокой частотности концептов, связанных с областью живота и внутренней стабильности [Kitamura, K., 2005]. Данные примеры иллюстрируют уникальную для японской культуры модель осмысления внутреннего мира через призму конкретных телесных локусов. В японском языке подобный синтез достигает наибольшей глубины и системности, служа для выражения сложных, часто невербализуемых внутренних состояний, где психическое и физическое неразделимы [Ооно, С, 1980]:

- концепт 「腹」 [хара] (живот/внутренности), осмысляемый как центр жизненной силы, истинных намерений, воли и скрытой решимости [Ооно, С, 1980, с. 150] (например, 「腹が据わる」 [故事ことわざ辞典, 2025] [хара га сувару] досл. «утвердиться в животе» в значении «обрести твердость духа»). Концепт 「腹」 [хара] (живот) регулярно сочетается с глаголами внутреннего чувства и волевого акта, например, идиома 「腹を決める」 [хара о кимэру] дословно «решить/определить в животе» означает не просто «принять твердое решение», а соматически переживаемый акт мобилизации воли, исходящий из психофизиологического центра личности. Этот и подобные примеры 「腹を読む」 [Огуро, Т., 1995] [хара о ёму] «читать живот», т.е. угадывать истинные намерения) убедительно доказывают, что в японской языковой картине мира телесный опыт не просто иллюстрирует абстрактное понятие, а является его субстанциональной, неотъемлемой составляющей.
- концепт 「胸」 [мунэ] (грудь), который, семантически близок русскому «сердцу», но концептуализируется как физическоеместилище сильных, часто соккрытых чувств и эмоций (「胸が痛む」 [Miyaji, Y., 2003] [мунэ га итаму] досл. «грудь болит», означающее глубокую душевную боль или сострадание).

Особое значение в исследовании приобретает анализ соматизмов, функционирующих как уникальные культурные концепты, чье смысловое наполнение не сводится к их анатомическому референту и не находит прямых эквивалентов в европейских языках [Мещеряков А. Н., 2007]. В отличие от его узких словарных соответствий 「腰」 [Kitamura, K, 2005] [коси] «поясница» или «талиа», в японской картине мира «коси» метафорически осмысливается как физический и психологический центр тяжести человека, маркирующий такие качества, как стойкость, решительность, усердие и внутренняя стабильность [Мещеряков А. Н., 2007]. Данный концепт отражает глубокую связь телесных практик (например, из боевых искусств или традиционного сидения «сэйдза») с психическим самоощущением [Мещеряков А. Н., 2007]. Многочисленные устойчивые выражения построены на метафорике физической устойчивости и подвижности этой части тела: 「腰が低い」 [Kitamura, K, 2005] [коси га хикуи] дословно «низкая поясница» - концепт устойчивости, связанный с «низким центром тяжести», переосмысливается здесь как социальная добродетель, обозначая скромность, отсутствие надменности и уважительное отношение к окружающим. 「腰を据える」 [коси о суэру] дословно «установить / укрепить поясницу» то есть взяться за дело с полной сосредоточенностью и основательностью, перестав метаться [Ооно, С, 1980]. Метафора отсылает к обретению физической устойчивости для продуктивной деятельности. 「腰が重い」 [коси га оmoi] дословно «тяжелая поясница» - выражение описывает медлительность, нерешительность и нежелание начинать какое-либо дело. 「腰を抜かす」 [коси о нукасу] дословно «лишиться поясницы» - передает состояние крайнего изумления или шока, при котором человек метафорически теряет свой внутренний стержень и способность сохранять устойчивость [Miyaji, Y., 2003].

Семантика сенсорных образов:

- Зрение: в европейских пословицах зрение часто ассоциируется с истиной и контролем «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать» [Даль, В. И.,

1999], “Seeing is believing” [Speake, J., 2015] актуализируют примат зрения как канала достоверного знания. В японской традиции, напротив, ключевую роль играет концепт «взгляда со стороны» 「第三者目線」 [Киндайти, К., 1944] [дайсанся мокусэн], отражающий ценность объективного, незаинтересованного восприятия. Классической репрезентацией этого принципа является пословица 「傍目八目」 [Киндайти, К., 1944] [окамэ хатимоку] дословно «со стороны – восемь глаз», идиома, пришедшая из игры Го, означает, что сторонний наблюдатель, свободный от эмоциональной вовлеченности, видит ситуацию яснее и дальше («на восемь ходов вперед») самого участника [Ооно, С, 1980].

- Слух и Речь: отношение к слову в поговорках отражает глубинные культурные установки. Если русская поговорка «Слово не воробей, вылетит – не поймаешь» [Даль, В. И., 1999] акцентирует необратимость сказанного, а английская “Little pitchers have big ears” [Speake, J., 2015] риск быть подслушанным, то японская культура, с её фундаментальным вниманием к групповой гармонии 「和」 [ва], порождает императив сдерживания речи. Пословица 「口は災いの元」 [Kitamura, K, 2005] [кути ва вадзаваи но мото] дословно «рот – источник (причина) бед», призывая к осмотрительности и молчаливости как способу предотвращения конфликтов и социальных проблем [Мещеряков А. Н., 2007].
- Вкус, обоняние и базовые потребности: метафоры, основанные на вкусе, еде и совместном удовлетворении витальных потребностей, образуют обширный пласт японской паремиологии. Они передают тонкие эмоциональные и социальные оттенки, часто описывая природу человеческих связей. В японском корпусе чрезвычайно высока значимость вкусового и тактильного кодов, что связано с эстетикой, ценящей неявную красоту, и общей ориентацией культуры на непосредственное, «до-вербальное» переживание опыта. Так, поговорка 「同じ釜の飯を食う」

[Kitamura, K, 2005] [онадзи кама но мэси о куу] дословно «есть рис из одного котла» означает не просто дружбу, а глубокую, братскую связь, сформированную через совместное преодоление трудностей и разделение самого необходимого для жизни [Алпатов, В. М., 2008]. Другим ярким примером соматической метафоры, отражающей связь телесного опыта и мудрости, является пословица 「酸いも甘いも噛み分ける」 [Morita, Y., 2002] [суи мо амами мо камивакэру] дословно «различать кислое и сладкое» - метафора вкуса и физического акта пережёвывания передаёт идею о том, что подлинная житейская мудрость приобретается только через непосредственное «вкушение» и осмысление всего многообразия жизненных ситуаций – как горьких («кислых»), так и радостных («сладких»).

Проведенный сопоставительный анализ выявил системные расхождения в репрезентации соматического и сенсорного опыта в пословичных картинах мира русского, английского и японского языков. Установлено, что инвариантные смыслы (эмоция, разум, воля, знание) вербализуются через различные, культурно-детерминированные наборы соматизмов и сенсорных маркеров [Телия, В. Н., 1996, с.58]. Частотность и семантика ключевых концептов, а также иерархия сенсорных модальностей (доминирование зрения в европейских культурах и тактильно-вкусового комплекса в японской) объективно отражают глубинные различия в национальном мировосприятии [Lakoff, G., 1999, p.121]. Таким образом, гипотеза о системном и детерминированном характере вариативности соматических и сенсорных компонентов в паремиологии получила полное подтверждение.

Основные результаты исследования демонстрируют диалектическое единство универсального и идиоэтнического в паремиологическом фонде. К кросс-культурным универсалиям относится сама антропоцентрическая модель осмысления мира через телесный опыт [Апресян, Ю. Д., 1995, с.214], а также ряд концептуальных соответствий, однако национально-культурная

специфика оказывается значительно более выраженной. Резюмируя, можно констатировать:

1. **Установлены различия в концептуализации психологических центров:** в русской паремиологии доминирует оппозиция «сердце» (эмоции, нравственность) – «душа» (духовное начало). Английская традиция акцентирует рациональное начало («head», «brain») и практическое действие («hand»). Японская картина мира центрирована вокруг концепта «хара» (живот) как источника воли и искренности [Morita, Y., 2002, p.145], а также «коси» (поясница) как символа стойкости, не имеющего прямых аналогов в европейских языках [Norrick, N. R., 1985, p.93].
2. **Выявлена разная иерархия сенсорных модальностей:** подтвердилась гипотеза о доминировании визуального кода в европейских культурах, где «видеть» означает «понимать». Для японской паремиологии характерен сбалансированный профиль с повышенной значимостью вкусового и тактильного восприятия [Ооно, С., 1980, p.76], что отражает эстетику непосредственного переживания действительности.
3. **Обнаружена специфика синтеза кодов:** синтез соматического и сенсорного компонентов в европейских пословицах чаще характеризует внешние проявления, тогда как в японском языке такое взаимодействие описывает внутренние, психофизиологические состояния, подчеркивая единство физиологического и ментального [Огуро, Т., 1995, с.158].

Проведенное исследование демонстрирует, что вариативность соматических и сенсорных компонентов в паремиологии носит системный и культурно-детерминированный характер. Сопоставительный анализ выявил фундаментальные различия в репрезентации телесного опыта: от европейской акцентуации внешних проявлений и рационального начала до японской ориентации на внутренние психофизиологические состояния и невербализуемый опыт. Установлено, что специфика вербализации универсальных концептов через различные телесные локусы и сенсорные

модальности объективно отражает глубинные структуры национального мировосприятия. Результаты работы подтверждают продуктивность методологии, основанной на синтезе принципов лингвокультурологии и когнитивной лингвистики, для выявления как инвариантных смыслов, так и уникальных лакунарных элементов в пословичной картине мира.

4.1b Концепт «уважение» в контрастивной лингвистике английского и таджикского языков / Concept “Respect” in Contrastive Linguistics of English and Tajik Languages.

The first question that naturally arises in connection with comparative linguistics is its status among other branches of linguistics. The main goals of comparative linguistics are to compare facts from two or more languages to identify similarities and differences. In comparative studies, it is, in principle, important to note the isomorphism of allomorphic facts.

The object of comparative analysis can be units of any level of language: phonemes, words, grammatical phenomena, right up to text.

In terms of focus, contrastive linguistics can be divided into two-sided (multilateral) and one-sided. The difference in approach in comparative analysis is similar to the difference between onomasiological and semasiological approaches.

With the semasiological approach, the facts being compared are considered in the direction from form to content (or to function), while with the onomasiological approach, the comparison is conducted from content to the linguistic forms expressing this content.

At the core (basis) of any comparison lies the category of comparison, or contrastive category. In the onomasiological approach (sometimes called functional), the category of comparison is purely semantic or functional in nature [Новое в зарубежной лингвистике, 1989, с.43].

Contrastive studies also differ in their level of analysis. Lado, for example, identifies three levels of contrastive analysis for a word: form, meaning, and